

Н.И.ВАВИЛОВ
Драма жизни и смерти

Э.В. Трускинов

На древе человечества высоком
Ты лучшим был его листом...

Ф.И. Тютчев

Об академике Н.И.Вавилове написано и издано теперь много литературного материала. Главным образом как об ученом, великом ученом-естествоиспытателе, ботанике, генетике, географе, основателе учения об иммунитете растений, внесшем свой огромный и оригинальный вклад в растениеводство как комплексную науку прикладного значения с фундаментальными основами общебиологических знаний о культурных растениях. В его личности и научном наследии наука фактически имеет одного из последних крупных ученых уровня энциклопедистов прошлых веков. Недаром международный журнал "Heredity" (Наследственность) удостоил его чести быть включенным в почетную рамку на титульной обложке наряду с Линнеем, Дарвиным, Морганом и другими мировыми корифеями биологии. Велика его роль и как организатора науки, одного из учредителей и первого президента Академии сельскохозяйственных наук, создателя Всесоюзного института растениеводства (ВИР) и Института генетики (ИГЕН), ряда других научных учреждений. Есть также немало интересных печатных воспоминаний о нем как человеке, замечательной во всех отношениях личности. Из всего этого, а более всего из самих его трудов, как бы заново предстает, возрождается бессмертный образ подвижника науки, цельная и целеустремленная натура человека, беззаветно преданного, можно даже сказать одержимого делом своей жизни, служению которому он посвятил всего себя.

Судьба великого ученого была переменчива и трагична. Природа одарила его необычайной способностью к творческому труду и созданию вокруг себя такой же творческой атмосферы и орбиты, в которую вовлекались самые разные, но родственные ему по духу и увлеченностью наукой люди. Это достигалось как силой его ума и таланта, так и особым магнетизмом его личного человеческого обаяния и нравственного примера. Хорошо сказала о нем его соратница Е.Н. Синская: «Николай Иванович был носителем особого творческого фермента: Он действовал на окружающих непосредственно своим воодушевлением, неутомимостью, убеждением, что именно в творческом труде человек всегда найдет подлинную радость и универсальное средство утешения».

На фоне обширного фотоматериала о Н.И.Вавилове он всегда фотогеничен и узнаваем. Открытое, умное, приятное русское лицо, мягкая улыбка. Не зная его лично, но взглянув на любое его фото, можно, даже не будучи физиономистом, сказать, что на нем изображен хороший человек. Добрый человек он обычно и внешне узнаваем, недоброго не сразу распознаешь. Но вот совсем особая, последняя небольшая фотография Н.И. Вавилова, сделанная в тюрьме НКВД, спустя неделю после ареста, в фас и профиль, как это полагается в подобного рода учреждениях. То, что он не брит, зарос, это еще

куда не шло. Борода не безобразит мужчину. Но вот общее выражение, особенно в фас, это лицо человека много пережившего. Вместо обычно открытого, доброжелательного взгляда мученический прищур глаз. На характерно высоком и широком гладком лбу две глубокие трагические складки, на других фотографиях не видимые. Да нелегкая, но в целом такая счастливая, насыщенная любимым трудом плодотворная жизнь на вечном, казалось, подъеме и такой внезапный обвал ее, ужасный конец. Между прочим, сам Н.И.Вавилов, хотя и вряд ли предвидел такой трагический финал своей жизни, часто повторял, и это приводят в своих воспоминаниях многие знавшие его, ставшее почти девизом: «Жизнь коротка, надо спешить». И он делал все, чтобы успеть если не завершить, то привести в поступательное движение все им замысленное. А мыслей, идей, планов его хватало не на один институт и не на один век. Опубликованное научное наследие его составляет не один том, включая классические работы по иммунитету растений, закону гомологических рядов в наследственной изменчивости, генцентрам происхождения культурных растений. Но еще столько было незавершенного в его всего лишь 53 года, когда его арестовали. Возраст, конечно, не Иисуса Христа, но для его голгофы явно преждевременный. Для ученого и особенно такого, как Вавилов, это самый расцвет творчества, когда научный багаж – умение, опыт, знания, наполнен до верха, а сил и желания двигать науку дальше было еще достаточно, чтобы встать на новую, более высокую ступень научного познания. Как великий ученый и крупный организатор науки Вавилов был всегда устремлен в будущее, предвидя глобальные проблемы, которые неизбежно встанут перед человечеством на пути преодоления нехватки сельскохозяйственного продовольствия, борьбы с мировым голодом. В этом его научном и вечно поисковом устремлении была своя правота и сила честного ученого и гражданина мира (так его называл его учитель академик Д.Н.Прянишников). Но в этом же со временем обозначилась его, если не слабость, то известная уязвимость, своего рода “ахиллесова пята”, создавшая ему в самых высоких кругах власти недобрую репутацию жреца, сторонника академически отвлеченной науки, каковой представлялась многим та же генетика, она же классическая или формальная, как ее в то время еще довольно мягко обзывали.

А время то было поистине крутое, и не в том жаргонном смысле, как теперь принято выражаться. Время жестокое, не гуманное, можно сказать антигуманное, превращавшее человека в послушный винтик бездушной государственной машины. А под видом воодушевления масс на них проводился опыт массового политического зомбирования. Но «времена не выбирают, в них живут и умирают», как сказал один хороший и умный поэт. И приходится только удивляться, если не восхищаться, как в такое время Н.И.Вавилову удалось осуществить столь многое и замечательное. Не столько благодаря, сколько вопреки условиям труда и творчества. Одни годы гражданской войны и послереволюционного лихолетья чего стоили. Однако внешние жизненные обстоятельства выше нас, но не всегда против нас. Так и для Вавилова 15 лет не просто активной, а титанической деятельности (с 1920 по

1935 гг) в качестве признанного властью и научной общественностью лидера сельскохозяйственной науки в стране были в целом благодатны. Однако затем все как-то обломилось, и последние 5 лет работы и жизни перед арестом были для него не просто тяжелыми, к жизненным тяготам ему было не привыкать, они стали изнурительно тягостны и безысходно мрачны. Заметный надлом в нем происшедший во многом был связан с великим сталинским переломом, происшедшим в преимущественно крестьянской стране на рубеже 20-30х годов прошлого теперь уже века. Повальная коллективизация деревни, раскулачивание крестьянства кулачными методами, фактически вторичное его закрепощение (вместо барщины трудодни) с лишением элементарных гражданских прав, все это привело к тому, к чему и должно было привести, и в первую очередь к голоду, вымиранию и разбеганию села в город и ко всему прочему, связанному с бесхозностью колхозов и искаженной мотивировкой труда крестьян. Такова была суровая цена сталинской во всех отношениях тяжелой индустриализации. России ломали природный крестьянский хребет, чтобы втиснуть в стальной корсет промышленной реконструкции. Вся это исторически авантюрная и вовсе не оправданная социальная, экономическая и политическая ломка не могла не сказаться самым пагубным образом на и без того расстроенном революцией и гражданской войной сельском хозяйстве и, в конечном счете, на жизни миллионов людей, У сталинского руководства на этот счет, как и на все другие провалы собственной политики, была одна беспроясненная версия причин: вредительство классово чуждых элементов или, что еще хуже, агентов иностранных капиталистических разведок. Для пущего эффекта были организованы показательные судебные процессы по заранее сфабрикованным делам, в том числе по так называемому делу «Промпартии» (1930). На очереди, ко времени и месту, готовился процесс и по некой «Трудовой крестьянской партии». Нашлись и первые по чину вредители в сельском хозяйстве: крупные ученые-аграрники, экономисты Кондратьев Н.Д. Чайнов А.В., Юровский Л.Н. и др., которые естественно не одобряли все происходившее и мыслили сельскохозяйственные кооперативы совсем не в духе сталинских обобществленных колхозов. Публичного судилища по этой во многом мифической организации так и не состоялось, но дело было закручено и немало видных специалистов-агрономов попало в сети и «ежовые рукавицы» ОГПУ, а затем НКВД. Не всем пришлось выбраться из них здоровыми и живыми. Именно с этого времени (начало 30-х годов) в поле зрения и особого внимания известных органов попал и Н.И.Вавилов, до того пользовавшийся в полной мере расположением Советской власти. Свидетельством этому были те крупные посты в науке и государственных органах, которые он тогда занимал. Да и сам размах его научной и организационной деятельности, экспедиции по пяти континентам, участие в международных форумах в тот период разве не говорят более всего о его профессиональном и служебном успехе, если не фортуне.

Успех был безусловный и связан во многом и главным с огромной природной одаренностью Н.И.Вавилова, невероятной его работоспособностью и

энергией, очень глубоким и емким интеллектом, делавшим его человеком поистине энциклопедических знаний. При всем этом не поддельный демократизм, истинно русская интеллигентность и необычайное человеческое обаяние. Таким он был и остался в памяти влюбленных в него современников и благодарных потомков. Это был человек, отмеченный знаком свыше. Это особенно хорошо понимал его учитель, академик Д.Н.Прянишников, говоривший, что «Николай Иванович-гений, и, если мы этого еще не сознаем, то только потому, что его современники». Научному и человеческому успеху, как известно, должна сопутствовать еще и жизненная удача, фортуна. Она действительно не обделила ученого своим вниманием, у него были прекрасные учителя, семья, друзья, соратники. Его научная и общественная деятельность с самого начала очень органично и удачно вписалась в очень драматический, во многом трагический период новой русской истории, используя во многом революционный, новаторский ее зачин. Многие бытийные и просто бытовые опасности того сложного времени его как-то миловали и даже порой шли ему на пользу. Он не был революционером, но в целом принял новый режим, будучи сознательным патриотом России и желая ей будущего процветания.

Разумеется для этого требовалось быть не только Вавиловым, т.е. крупным, общепризнанным авторитетом в науке, и не только вполне лояльным к советской власти гражданином. Требовалось гораздо большее, постоянное доказательство преданности социалистическому строю и строительству во всех сферах хозяйственной жизни страны. Но даже этого было недостаточно, надо было публично и по возможности как можно более искренней или, по крайней мере, правдоподобней клясться в верности партии и правительству, и благодарить за все лично вождя тов. И.В.Сталина. И надо отметить, что в своих публичных выступлениях и отчетных докладах и статьях Вавилов не всегда отдавал должное «кесарево кесарю», хотя чисто ритуальных и внешне вполне искренних фраз политического и патриотического звучания у него хватало. Но вот в отношении вождя у него не все складывалось, как надо. Так по воспоминаниям А.Р.Жебрака в конце Первого Всесоюзного съезда по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству, председателем которого был Н.И.Вавилов, делегатам было предложено послать приветственную телеграмму тов. Сталину. Однако руководители съезда сочли более уместным приветствие Партии и Правительству в целом. Оно было подписано от имени делегатов Вавиловым. Был январь 1929 года. Время самое переломное в стране и ее партийном руководстве. Культ Сталина еще только утверждался и этот эпизод, действительно мог сыграть, если не роковую, то весьма скверную роль в дальнейшей судьбе Н.И.Вавилова, отложиться в злой памяти вождя, чтобы потом ударить по ученому наверняка. Однако были и другие, не менее значимые эпизоды не слишком лояльного поведения ученого в вопросах бюрократической этики чиновничества. В воспоминаниях Е.Н.Синской о Н.И.Вавилове приводятся якобы слова Берии, который принял Д.Н.Прянишникова, просившего за Вавилова: «Николай Иванович совершил политическую бестактность, и я

ничего не могу сделать. Впрочем, он находится в хороших условиях». Об условиях особо, но вот то, что называется «политической бестактностью» в глазах советского руководства, то Вавилов, похоже, действительно совершил ее во время поездки во Францию, где дал интервью французскому журналисту из парижской газеты «Пари-Миди». На вопрос корреспондента: «В 1916 г., в царское время, вы уже являлись служащим императорского правительства?» На это Вавилов отвечает: «Что за интерес? В Европе вы всегда говорите о правительстве. В России, даже в царское время, мы говорили о государстве. В 1916 г. я уже был на государственной службе, Это верно. Как ассистент профессора. Я остался на службе государства, русского государства, у государства моей родины. Это вполне естественно». Это интервью сослужило плохую службу Вавилову. Оно фигурирует как обвинительный эпизод в его следственном деле. А слова Вавилова представлены уже прямо антисоветски: «Я служу не правительству, а моей стране. Я раньше был царским приват-доцентом, а остался жить в моей стране, которая является по-прежнему Россией». Ну, не антисоветская ли «бестактность» эти слова? Не мудрено, что их там, где надо зафиксировали, запомнили, доложили и положили до времени в секретное досье ОГПУ. В начале 30-х годов оно уже было, видимо, заведено на Вавилова. Именно в этот период был арестован ряд крупных ученых-аграрников, близких Вавилову и, в том числе, его заместитель В.Е.Писарев. Появились доносы на него уже определенно политического характера. Он все более становился объектом всякого рода гнусных компроматов, в том числе сфабрикованных на него в ВИРе (Шлыков, Шунденко, Сидоров). Наиболее серьезный политический донос на Вавилова, адресованный напрямую Сталину, был состряпан в ВАСХНИЛе и подписан вице-президентом академии Бондаренко, т.е. формально его заместителем, а также парторгом академии Климовым. Бумага эта была доведена Сталиным до сведения членов Политбюро и, видимо, серьезно там обсуждалась. Донос датирован 27 марта 1935 года. Вскоре Вавилов был освобожден от должности президента ВАСХНИЛ, но оставлен на посту вице-президента. До этого его вывели из состава ЦИК СССР на 7 Съезде Советов. Но еще ранее, на заседании Совнаркома, где выступали с отчетом Вавилов и Бондаренко, работа ВАСХНИЛ была признана неудовлетворительной. Причинами этого, очевидно, были не только и не столько объективные недостатки в научно-организационной деятельности академии, но и определенные субъективные мотивы, связанные с личностью, теперь уже опальной, ее президента.

Итак, над Вавиловым все более сгущаются свинцовые тучи явной немилости высшего сталинского руководства партии и государства. Ему вменяется в вину не только служебные просчеты в работе: так называемый академизм, оторванность от практических нужд колхозно-совхозного строительства сельского хозяйства, нежелание мириться с бюрократическим стилем руководства ВАСХНИЛ, резкое реагирование на навязывание унижительного с его точки зрения контроля за работой его института (ВИР), но и явные политические промахи. Так в доносе Бондаренко четко

сформулировано, что «Вавилов всегда горой стоит за вредителей ... Не было случая, чтобы Вавилов о ком-либо из установленных вредителей (Таланов, Максимов, Левитский и др.) сказал, что они преступники». То, что Вавилов ходатайствовал об освобождении арестованных крупных специалистов сельского хозяйства перед тогдашним, а затем тоже репрессированным наркомом земледелия Яковлевым, представив список на освобождение 44 человек, так же, конечно, говорило против него как антисоветчика. Ну, и, разумеется, полностью сфабрикованная связь с некой «Трудовой крестьянской партией», а затем с правым бухаринским блоком и лично Бухариным. Всего этого казалось бы хватало, чтобы арестовать Вавилова не в 1940 г., и даже не в расстрельном 1937 г., а уже в начале 30-х, как это было со многими близкими ему по науке и личным связям ученым. И, тем не менее, этого не произошло. Слишком крупный и нужный еще для престижа страны и советского режима ученый и лидер агронауки. Сам он ощущал себя в это время, конечно, не слишком уютно. Даже будучи в системе большой Академии наук, действительным членом которой он был с 1929 г., входя затем в ее руководящие органы, возглавляя Институт генетики, в обстановке гораздо более свободной и менее бюрократизированной, он нарвался на незаслуженную грубость со стороны председателя Совнаркома Молотова на одном из своих отчетных выступлений: «И когда вы, академик Вавилов, перестанете заниматься пустяками». Однако самое неприятное, эмоционально гнетущее впечатление на Вавилова оказал, как это не странно, случайный эпизод в коридоре Кремля, где он буквально столкнулся со Сталиным. Вавилов, как всегда, спешил на какое-то заседание и внезапно натолкнулся на вождя, для которого, видимо, это также было неожиданно, т.к. на лице его отразился сначала испуг, а затем злобность и подозрение. Это было уже после убийства Кирова, и мысль о покушении вполне могла прийти ему в голову, тем более о якобы политической неблагонадежности ученого ему было уже достаточно известно. Что касается самого Вавилова, то этот эпизод его как-то очень взволновал и он говорил самым своим близким друзьям и коллегам (Е.Н.Синской, Г.Меллеру и др.): «Я сразу тогда почувствовал, что это будет иметь для меня неотвратимые последствия». И в этом он пророчески не обманулся, хотя причины и следствия всей его дальнейшей ученой карьеры и человеческой судьбы были, конечно, намного сложнее и серьезнее. Именно с 1935 года можно считать начался его закат как ученого и просто человека. Снятие с должности президента ВАСХНИЛ, не избрание в члены ЦИК, запрет на выезд за границу, отмена юбилеев ВИР (10 лет) и его лично (25-летие научной и общественной деятельности).

Но подлинной бедой Вавилова, да и всей науки, был, увы, не только Сталин, но еще один роковой для него человек. Это безвестный до поры, до времени, агроном Т.Д.Лысенко, в головокружительной карьере которого было и его активное участие. Он собственно и ввел его в большую академическую науку, рекомендовав в чл.-корр. АН УССР (1934 г.) и АН СССР (1934 г.), всерьез и публично (в выступлениях и статьях) поддерживая его опыты по яровизации и учение о стадийности развития, называя их «крупным миро-

вым достижением в растениеводстве». Здесь сказалось, видимо, его искреннее убеждение, по крайней мере вначале, о большой научной и практической ценности по своему действительно новаторских работ Лысенко. Но уже в том же злополучном для него 1935 г. он имел возможность убедиться, что в лице Лысенко он сталкивается с опасным демагогом и конкурентом. На встрече ударников сельского хозяйства с руководителями ВКП(б) и советского правительства Лысенко произносит речь прямо-таки в духе сталинского понимания ситуации в стране и в сельском хозяйстве. Классовая борьба, вредительство в ученом мире, колхозники «дают народному хозяйству больше, чем некоторые профессора», и все в таком роде. Мало, кто заслужил такое одобрение вождя, как аплодисменты и возглас в зал: «Браво, товарищ Лысенко, браво!» После этого стоит ли удивляться, что в том же 1935 г., спустя несколько месяцев, Лысенко становится академиком ВАСХНИЛ, а уже в 1938 г. ее президентом. С того же 1935 г. он - член ВЦИК и ЦИК СССР, тогда как Вавилов перестает им быть. В 1939 г. он уже избирается действительным членом АН СССР. С 1936 г. Он - директор Всесоюзного селекционно-генетического института в Одессе, а с 1940 г. директор Института генетики АН СССР, заменив на этом принципиально важном посту Вавилова после его ареста. Не говоря уже о множестве высших правительственных наград. Сталин таки нашел в простом крестьянском лице и чуждой аполитичному академизму фигуре народного академика официального антипода и реальную, пусть невежественную, малограмотную альтернативу Вавилову в сельскохозяйственной науке. Он обещает сделать в ней много и быстро, вывести эффективные сорта основных сельхозкультур не за 10-20 лет, а за 2 года. Он подлинный стахановец и ударник в науке. Именно такие нужны Сталину и трудовому народу. И все бы ничего, если бы Лысенко посвятил себя только сельскохозяйственному производству, совершенствованию агротехники сортов. Но он замахивается на гораздо более серьезное и важное, на классические основы биологической науки, на еще относительно молодую, но уже столько открывшую в области фундаментального научного знания генетику. Науку, особо чтимую Вавиловым, в которую он также внес свой классический, получивший мировое признание вклад. И тут он, конечно, не мог остаться безучастным, ибо кому было защищать честь науки от обскурантов, как не ему, ее истинному представителю и служителю. Однако борьба Вавилова с обскурантизмом и невежеством в науке была, к великому сожалению, бесперспективна в то смутное и пронизанное политической демагогией время. Обскуранты сидели в самом Кремле. Именно они сорвали проведение в Москве 7 Международного генетического конгресса, не без участия в этом позорном решении Лысенко и его окружения. Конгресс состоялся в 1939 г., но уже в Шотландии, в Эдинбурге, куда ни Вавилова, избранного его председателем, ни кого из других советских генетиков не выпустили. Правда в том же 1939 г. состоялась научная конференция по теоретическим вопросам генетики под эгидой журнала «Под знаменем марксизма», где в ходе многосторонней и достаточно свободной еще дискуссии выступил и

Вавилов как главный научный авторитет и защитник классических основ генетики. Лысенко и его клике на этом форуме, несмотря на официальную поддержку власти и главного редактора журнала акад. М.Б.Митина, не удалось сколько-либо убедительно противостоять Вавилову и другим ученым, представлявшим там истинную, а не идеологически профанированную науку. В отличие от последующей в 1948 г. дискуссии на печально известной августовской сессии ВАСХНИЛ, уже без Вавилова, личного вмешательства в нее Сталина еще не последовало, время еще, видимо, для этого не пришло. Лысенко еще не был в том зените своего культа и власти, как после того, как убрали, не без его участия, Вавилова, сначала из науки, а потом вообще из жизни. Сам Вавилов и близкие к нему люди, конечно, по всей обстановке в стране и сельскохозяйственной науке, в частности в ВИРе, ощущали его политическую обреченность. В некоторых своих высказываниях он сравнивал свою борьбу с лысенковской «распутиниадой» как борьбу Валентина с Фаустом. Образ довольно интересный. Конечно, Лысенко никак не тянет на гетевского Фауста, ни по форме, ни по духу. Под Фаустом в данном случае надо понимать вообще дьявольский союз лженауки и политиканства, ибо не подлинной науки, не настоящей политики в союзе Лысенко и Сталина не было. Вавилов же, как отважный и обреченный на смерть рыцарь науки, в любом случае должен был вступить за ее честь, как брат за честь родной сестры, как Валентин за несчастную Маргариту.

В последние годы перед арестом он уже отбросил всякую осторожность, маневрирование, дипломатию, столь необходимые для него в годы работы на крупных административных постах в науке. Теперь он идет во всем ва-банк, открыто выступает против Лысенко и лысенковщины, его порочных методов администрирования в науке, развала научных учреждений и школ, и, прежде всего ВИРа, антинаучных методов и методологии, им применяемых. Именно тогда были сказаны им крылатые слова: «Пойдем на костер, будем гореть, но от убеждений своих не откажемся». В своих выступлениях, в своей реакции на происходящее он стал неистов, хотя раньше был выдержан, обычно добродушен, благожелателен к окружающим его людям. Многие близкие к нему люди отмечали резкое ухудшение его здоровья, психологического состояния, общего настроения. Последние годы его жизни на свободе были поистине отравленными отношением к нему власти и пролысенковского окружения, которое проникло уже в самую его научную цитадель, самое ценное создание его организаторского таланта, ума – ВИР. «Вавилон», как называли институт его противники, задалась целью разрушить. Н.П.Дубинин вспоминает о последней с ним встрече на заседании Президиума АН СССР. Вавилову пришлось резко, взволнованно отвечать на типичные для того времени нападки на генетику. Уже после заседания, возвращаясь домой, он не мог успокоиться, «метался по дороге. Полы его серого пальто развевались, как крылья.словно раненый большой добрый и безумный слон, он почти кричал». Таким своим поведением он, очевидно, только ускорял трагическую развязку своей судьбы. Столкновение с Лысенко имело уже не только принципиальный научный характер, оно приобрело характер

систематических служебных и просто человеческих стычек, учитывая теперь уже подчиненное Лысенко, как президенту ВАСХНИЛ, служебное положение Вавилова. Тому есть ряд свидетельств лиц, непосредственно это наблюдавших. Есть также документальные данные о том, что уже в июле 1939 г. Берия направил бывшему тогда председателем Совнаркома Молотову письмо о якобы систематической кампании по дискредитации академика Лысенко, организованной Вавиловым и возглавляемой им буржуазной школой так называемых «формальных генетиков». Там же содержится просьба о санкции на арест Вавилова. Однако таковой произошел только спустя год, скорее всего в результате прямого указания Сталина под влиянием того же Лысенко, которому Вавилов стоял уже буквально костью в горле, мешая своим авторитетом и противодействием подмять под себя всю сельскохозяйственную науку. Он уже во всю вошел в роль всесильного администратора, сталинского временщика и наместника в науке. Вполне освоившись в кремлевских коридорах власти, он был, очевидно, довольно свободно вхож к вождю и мог лично жаловаться ему на неуправляемого Вавилова. Сыном Вавилова Ю.Н.Вавиловым выявлены и определенные документы, свидетельствующие о политическом доносе на его отца, санкционированном лично Лысенко.

Интересно свидетельство Е.С Якушевского, известного специалиста по сорго, работавшего в ВИРе. Это он слышал непосредственно от Н.И. Вавилова в Москве, где встретился с ним в 1939 году. Тот незадолго до этого добился встречи в Кремле со Сталиным. Выждав его в приемной два часа, в первом часу ночи он был, наконец, принят генсеком. Не ответив на приветствие Вавилова, даже не поздоровавшись с ним, Сталин бросил такую фразу: «Это вы Вавилов, который занимается цветочками, листочками, черешечками и всякой ботанической ерундой, а не помогает сельскому хозяйству, как это делает Лысенко Трофим Денисович». Не будучи приглашенным даже сесть, Вавилов почти час объяснял ему о своей работе и работе возглавляемого им ВИРа. Эффект был, как о стенку горох. В конце концов Сталин его оборвал, сказав только: «Вы свободны гражданин Вавилов». Вавилов сделал вывод, сказав Якушевскому: «Наше дело табак. Шайка Лысенко принимает все меры, чтобы убрать меня из института и из Академии наук». Вавилов в общем-то прекрасно понимал, что ему грозит и от кого лично исходит угроза. Сам арест вряд ли был для него таким уж неожиданным. Своим домашним он говорил, что «садясь в поезд в Ленинграде, никогда не бывает уверен, что доедет до Москвы». Тем не менее последняя его экспедиция в Западную Украину заметно его приободрила, вселила некоторую надежду на то, что он еще нужен своей стране и даже ее руководству. Правда есть свидетельство, что даже перед самой экспедицией у него была бурная стычка с Лысенко, после которой кто-то уже не сомневался, что его арестуют. 6 августа 1940 года это действительно произошло в Черновцах. Началась заключительная вавиловская голгофа, которая кончилась лишь спустя почти два с половиной года 26 января 1943 года.

В воспоминаниях Е.Н.Синской есть такой знаменательный эпизод. Из большой группы вировских ученых, арестованных еще в 30-е годы, был зав. Отделом кормовых культур П.П.Зворыкин. Как и других, его арестовали по обвинению в принадлежности к Крестьянскому союзу. Спустя какое-то время его освободили. Он вернулся в институт и много рассказывал о том, как их запугивали, подвергали жутким пыткам, которые не были связаны с каким-либо членовредительством, но, тем не менее, были невыносимы. Это были допросы по целым суткам подряд, лишение сна на долгие периоды-как только человек засыпал, его будили, запугивание внезапными и противоречивыми вопросами и т.д. Зворыкин сказал, что он не мог этого вынести и «сознался» во всем, подписал все, что ему предлагали, а там были обвинения и других лиц. Зворыкин считал своим долгом все рассказать Н.И., а я слышала этот рассказ от последнего. На Н.И. все это произвело сильнейшее впечатление. Он говорил мне: «Я его не осуждаю, чувствую к нему большое сожаление...и все-таки, все-таки и презрение».

Но вот настало время испытать все, через что прошли многие его сотрудники по ВИРу, по академии, по Наркомзему ему самому. Некоторых уже не было в живых, лишь немногих выпустили, чтобы потом вновь арестовать или сослать. Следственное дело академика Н.И.Вавилова за № 1500 было уже детально подготовлено и разработано. Все доносы и показания ранее арестованных сотрудников были систематизированы и приобщены к делу. Добавлены также материалы обысков на квартирах и в рабочих кабинетах ученого в Москве и Ленинграде. Составлен отдельный меморандум, где все обвинения в его адрес расписаны по отдельным разделам: вредительство, связи с границей, отношение к ВКП(б) и Советской власти и т.п. Надо отдать должное тогдашнему ведомству НКВД, оно даром время не теряло и весьма обстоятельно подготовилось к приему в свое тюремное логово имени-того арестанта. Ну, а уж с материалами личного дознания там никогда не было осечки и как вынудить и сфабриковать признание в том, что было и не было тоже. Полное отрицание вины и обвинений в свой адрес, проявленное Вавиловым изначально, после 12 дней многочасовых, часто ночных, изнурительных допросов, можно только догадываться о степени и характере их пристрастия, сменилось признательными ответами на не терпящие иного поворота событий, как бы они дико не звучали, вопросы.

Следует особо подчеркнуть, что от убеждений своих как ученого Вавилов не отказался, да и никто от него этого не требовал. Требовали самых стандартных для того времени и места признаний во вредительстве, измене, шпионаже. Последнее, наиболее вздорное и нелепое обвинение у него хватило силы воли и ума отвергнуть полностью до конца следствия и суда. Но вот по другим пунктам обвинения он не смог выдержать пыточного давления и изуверских допросов следователя с характерной фамилией Хват и стал сознаваться во многом, что делал и не делал. Было ли это результатом физической и моральной сломленности духа и тела ученого или это была вполне намеренная, сознательная тактика поведения арестованного, решившего бросить эту кость признания во вредительстве в пасть следствия, чтобы оно,

если и не подавилось ею, то долго бы грызло и смаковало как желанную добычу, судить трудно. Следователь Хват действительно с большой охотой и удовлетворением подхватил эту расхожую тогда вредительскую версию и стал усиленно ее раскручивать. Вавилов, конечно, понимал, что арест его не такая уж трагическая случайность, не ошибка следственных органов, а целенаправленная, давно готовившаяся против него репрессивная акция, санкционированная в самых верхах власти. Поэтому бороться с ее натасканным псом Хватом было бессмысленно и лишь подрывало последние силы, ускоряя гибель, а Вавилов, конечно же, хотел жить и работать с присущей ему и неугасшей жаждой творчества, продолжения и завершения многих еще научных идей, работ и планов. Об этом свидетельствует хотя бы то, что даже в тех адских условиях ему удалось написать большую монографию по истории мирового земледелия. Работа эта, как и ее автор, сгинули в тюремных недрах сталинско-бериевской охраны.

Хват таки добился признания подследственного в организационной связи с «Трудовой крестьянской партией» до 1930 года, с правым бухаринским блоком, а также с репрессированным и расстрелянным к тому времени руководством Наркомзема и прежде всего с бывшим наркомом земледелия Я.А. Яковлевым, вредительские указания которого ему приходилось якобы выполнять. Но этого мало, Вавилов пишет специальную, немалую по объему записку, озаглавленную как «Вредительство в системе института растениеводства, мною руководимого с 1920 г. до ареста (6.08-1940 г.)». Она производит довольно странное впечатление, ибо все, что там приводится, вредительством в прямом смысле этого слова и понятия как сознательного нанесения вреда коллекциям ВИР не является. Чувствуется, что автор записки писал ее не столько под давлением со стороны следствия, сколько сознательно и даже по-своему искренне и честно. В ней много критики и самокритики работы отдельных подразделений института, но можно ли это было считать государственным преступлением, а не в худшем случае, должностным проступком того или иного лица. Хотя термин «вредительство», как некий дежурный жупел, расставлен весьма плотно в заголовках и по ходу текста. Сам Вавилов не снимает с себя ответственности за все эти грехи как руководитель. Правда лично его «вредительство» выглядит не более, чем попустительство. Все это более напоминает некий служебный аналитический отчет, с критическими выкладками и самокритичными оценками, чем признание в каких-то тяжких преступлениях. Похоже, что Вавилов писал все это больше для себя, чем для следователя. Ему надо было, очевидно, разобраться как-то самому в причинах и следствиях критики института извне, якобы оторванности его от практических нужд сельского хозяйства. И он это сделал. Сделал некий критический внутренний разбор работы института, не устранившись от своей ответственности и главной роли. Все это можно было бы представить как доклад на отчетной сессии, но мало как-то подходило для представления в суд. Все факты так называемого вредительства скорее подходили под административную, нежели уголовную

ответственность даже в условиях такого репрессивного режима, каковым был сталинский режим.

Известно, что Вавилов обвинялся по 4 пунктам печально известной 58 статьи: п.1а-«Измена родине», п.7-«Вредительство», П.9-«Диверсия», п.11-«Участие в контрреволюционной деятельности». Реально дело Вавилова не тянуло ни на один из этих пунктов, но это мало беспокоило заказчиков и исполнителей его устранения из активной жизни, да и жизни вообще. Они умели и знали, как довести подследственного до нужной им судебной кондиции. О каком-либо правосудии в то время по данной статье говорить, конечно, не приходилось, она была заведомо расстрельная. Тем не менее, Вавилов, наверное, до конца надеялся, если не на слишком мягкий, то достаточно сносный для себя приговор. До его ареста уже было арестовано в 1933-1937 гг. 18 сотрудников ВИР и некоторые из них вскоре были выпущены, в том числе и по ходатайству самого Вавилова. И хотя первым вопросом на первом допросе 12 августа 1940 г. был: «Вы арестованы как активный участник антисоветской вредительской организации и как шпион иностранных разведок. Признаете себя в этом виновным?», что звучало более, чем грозно для Вавилова, он сразу же оценил ситуацию и ответил: «Нет, не признаю. Шпионом и участником антисоветской организации я никогда не был, Я всегда честно работал на пользу Советского государства». И, тем не менее, от антисоветской деятельности ему было не откреститься. Слишком много вырванных едва ли не с кровью показаний было против него собрано у ранее арестованных и осужденных уже ученых-аграрников, так или иначе с ним связанных (35 человек). Вопрос о нравственной стороне признаний Вавилова, в результате которых, возможно, пострадали его близкие соратники, остается довольно сложным и не так просто объяснимым. На очных ставках друг с другом и с Вавиловым, которые были сугубо формальными, его ближайшие сотрудники Говоров, и Карпеченко подтвердили свое участие и руководство Вавилова в их антисоветской работе. Но не более того. Никаких особо компрометирующих их и Вавилова фактов названо не было ни им, ни ими. Создается впечатление, что это был вполне согласованный сценарий показаний, что вся эта трагичная ситуация была как-то заранее предвидена и обговорена Вавиловым и его доверенными помощниками еще до ареста, который они, вероятно, предполагали рано или поздно произойдет. Пожертвовав ими на следствии, взяв на себя основную вину как организатор «а/с группы», Вавилов, конечно, надеялся, что приговор не будет таким жестоким и фатальным, хотя на своем личном опыте и примере получил возможность убедиться в совершенно обратном. Как личность, он, думается, до конца сохранил свой моральный дух, лицо и самоуважение, хотя в том ужасном положении, в котором он оказался, это было крайне тяжело, если вообще возможно. В этом отношении весьма интересными оказались показания некоего Лобова, в одно время сокамерника Вавилова, которого, по всей вероятности, специально подсадили к нему, чтобы выведать дополнительные сведения, которые бы свидетельствовали против ученого. И надо отдать ему должное, он выведать немало,

проливающего дополнительный свет на мысли и поступки Вавилова во время следствия. И доносы порой ценны для истории, для более глубокого понимания не доносчика, с ним все понятно, а того, на кого доносят. После одного из допросов о связи Вавилова с Бухариным, он говорил Лобову: «Я им ничего не сказал о своих связях, т.к. их у меня не было с Бухариным, однако я очень высоко ценил Бухарина как политического руководителя, и в этом вопросе я хочу быть порядочным и честным человеком и не могу класть пятно даже на мертвого, о котором я ничего плохого не знаю». Думается этому показанию можно верить. В библиотеке Вавилова найдено несколько книг и работ Бухарина, а Сталина, похоже, не одной. О Сталине и Молотове тот же Вавилов говорит, что «они простые смертные, как и все люди, а не те боги, какими их сделали пресмыкающиеся аллилуйщики». Существующий режим в стране «узурпаторский», когда по произволу «правлящей кучки» бросаются в тюрьмы и лагеря сотни тысяч «невинных людей». О своих показаниях Вавилов говорит, что они вполне реальны и соответствуют действительности, «за исключением разве отдельных случаев, когда он бичует себя более, чем того заслуживает». Знаменательно и последнее замечание Вавилова о его якобы шпионской работе, о которой ему «нечего сказать», однако далее он заявляет, что «уже куда бы не шло, следовательно он давно бы удовлетворил, и не мучил себя, если бы не был уверен, что его показаниями интересуются некоторые высокие инстанции. А дать в руки этих инстанций подобный документ-значит «сложить голову на плаху». Очень важный оказался свидетель по делу Вавилова, и для следствия, и для истории.

Наиболее хлесткой козырной картой против Вавилова, которая действительно как бы уличала его в антисоветской и чуть ли не контрреволюционной деятельности, это отношение его к колхозной коллективизации и вообще к крестьянскому вопросу, как он решался в 30-е годы в СССР. Недаром его так упорно пытались притянуть к делу некой мифической «Трудовой крестьянской партии» эсеровско-народнической политической ориентации, а затем к правому бухаринскому блоку в ВКП(б), хотя Вавилов никогда партийным не был и, судя по всему, не пытался им стать, даже имея предложения на этот счет. Вызывает законный, хотя и не так просто разрешимый вопрос, был ли Вавилов действительно таким уж противником того, что происходило в 30-х годах в деревне, т.е. драконовской сталинской политики повального обобществления частного крестьянского хозяйства и так называемого раскулачивания крепких хозяйев. С одной стороны многие, если не все, официальные выступления и статьи Вавилова по сельскохозяйственной политике государства того времени проникнуты духом социалистической реконструкции сельского хозяйства на основе коллективизации. Так что можно было считать, что он вполне лояльно принимал и понимал эту политику, считая, что колхозы могут послужить подходящим полигоном научно организованного сельскохозяйственного производства. Даже в частных беседах с близкими друзьями, доверенными лицами он высказывал подобные же мысли, ссылаясь на опыт фермерства США, где разорение мелких хозяйств было постоянным и мас-

совым явлением. И не беда, если часть русских крестьян также подается в город. «Наука – вот главная сила! Пусть будут колхозы, совхозы, что угодно, только бы новые хозяева взялись за землю по науке». Такой разговор состоялся, в частности, с Н.П.Макаровым, видным ученым-экономистом сельского хозяйства, впоследствии репрессированным. Однако это было еще в 1929 г., т.е. в самом начале великого перелома на селе. То, что за этим последовало, страшный голод 1932-1933 гг., карточная система на продовольствие и прочие издержки «головокружения от успехов» сталинской политики по отношению к крестьянству, наверное, не могли не изменить внутренне первоначальные взгляды на эту самую закоренелую проблему русской истории: собственность на землю, а отсюда способ и качество ее использования в сельскохозяйственном производстве, включая цели, задачи и возможности агрономической науки. Поэтому после ареста, когда Вавилов взял на себя «вину» во вредительском противодействии сталинской политике коллективизации, поддержке крупных и крепких, т.е. кулацких хозяйств, то так ли уж это не соответствовало действительности. Правда на допросах он уточнял, что он не против колхозов, а за то, чтобы это не было обязателькой для крестьян, еще одной крепостной зависимостью, чтобы сохранялись также и единоличные крупные крестьянские хозяйства. В разговоре с тем же провокатором и доносчиком Лобовым он высказывался в том духе, что «сельское хозяйство в СССР претерпевает сложную деградацию, которая является результатом массового сопротивления колхозного крестьянства мероприятиям правительства. Основа этого скрытого саботажа кроется в грабительской форме эксплуатации мужика и преступном обесценивании труда крестьянина». Особо сомневаться в подобно рода высказываниях ученого-узника, давно уже прозревшего и вряд ли питавшего какие-либо иллюзии в отношении колхозно-совхозной системы, не приходится. Даже, если это было ему во вред, все равно потребность говорить правду и начистоту, пускай и с сомнительным соседом по камере, оставалась в нем, очевидно, сильна и служила своего рода психологической разрядкой после мучительных допросов следователя. Так или иначе, это свидетельствует о том, что Вавилов не был конформистом и ослепленным сталинской пропагандой человеком в отношении колхозной перестройки сельского хозяйства. Он знал его не понаслышке, а воочию, будучи одним из его руководителей как член коллегии Наркомзема и президент, а затем вице-президент ВАСХНИЛ. Скорее всего в его лице власть действительно имела дело со скрытым оппозиционером, может даже бухаринского политического толка. Но открыто заявлять об этом, находясь на руководящих постах, он, разумеется, не мог. Политическая атмосфера насильно внедряемого единомыслия, которая царил в стране в то время, конечно, не могла не коснуться и его, особенно учитывая его пошатнувшееся положение после 1935 т. Однако, когда дело коснулось уже попрания не только прав людей, но и научных истин, Вавилов как честный ученый и человек, отдавший науке все зрелые и лучшие годы своей жизни, не мог пойти на сделку с Лысенко, а тем более совестью, как это делали другие, осмотрительные, «здравомыслящие» деятели науки, в том числе президент

АН СССР В.Л. Комаров. Здесь он действительно пошел на костер, как Джордано Бруно, зная, что власть ему этого не простит, хотя он до конца пытался убедить ее в правоте своего дела и того направления в генетике и селекции, в котором успешно двигалась мировая наука. Когда говорят, что нет пророков в своем отечестве, то имеют тому немало примеров. Вавилов тоже был из тех пророков, но время, история все расставляет на свои места. Ученый оказался прав не только и не столько в частностях, сколько в главном: магистральный путь науки в накоплении знаний о природе и использовании их всем человечеством и на благо всех людей. Наука не может быть классовою, сугубо национальной, политически ангажированной. Наука может быть только общечеловеческой, мировой, истинной, являясь, может быть, наиболее важной и передовой частью глобализации земной цивилизации, ее материальной и духовной культуры.

Финал жизни Н.И Вавилова это, к великому сожалению и несчастью, финал не героя, а мученика. Костра, открытого суда, ничего этого не было, Длительное, почти годичное мучительное следствие с началом войны было сразу же прекращено, а уже 9 июля 1941 г. состоялось закрытое судебное заседание военной коллегии Верховного суда СССР в составе карательной тройки, которая в тот же день вынесла ему смертный приговор. Прошение о помиловании в Президиум Верховного Совета СССР было отклонено. Правда вскоре ему была дана надежда на отмену приговора. Его даже перевели из Бутырской тюрьмы опять во внутреннюю тюрьму НКВД, где с ним проводил беседы уполномоченный Берия о возможности его использования как ученого в условиях военного времени. Однако вскоре они были прерваны и, в связи с резким ухудшением военной обстановки под Москвой, Вавилов вместе с другими заключенными был срочно эвакуирован в Саратов и помещен в тамошней тюрьме в камеру смертников. Очень судьбоносным оказался для него этот провинциальный город на Волге, где началась так блистательно его научная деятельность и где так трагически завершилась его жизнь. Там он пробыл полгода, все время ожидая решения своей участи и приобретя цингу. После этого ему дали возможность обратиться с письмом лично к Берия. Это возымело то действие, что смертный приговор был отменен и заменен 20 годами заключения в исправительно-трудовых лагерях НКВД. Вавилов был переведен из камеры смертников в общую камеру заключения. Это было в июле 1942 г., а еще через полгода его не стало. Судьба больше не способствовала продлению его жизни. Жизни столь значительной в ее начале и апогее и такой уничижительной, ужасной в конце. Смертная казнь мгновенная, расстрел, была «милостиво» заменена ему властью долгой и мучительной пыткой существования, не совместимого с жизнью. Его фактически уморили голодом и ужасными условиями содержания в тюрьме. Он скончался от общей дистрофии, осложненной, видимо, крупозным воспалением легких. Проблема Вавилова для власти была, наконец, решена, по известному принципу: нет человека – нет проблемы. Однако не такого масштаба это была личность, чтобы так просто взять и пропасть. Еще при жизни Вавилова он был избран в 1942 г. членом Лондонского Королевского общества вместе с другим

известным ученым математиком И.М. Виноградовым. Шла война, Великобритания была союзником СССР и политически было весьма не выгодно держать человека, удостоенного столь высокой чести, в заключении. Тем более, что требовалась личная подпись Н.И. Вавилова на доставленном в Москву дипломе., Эту подпись взяли тайно от его брата академика С.И.Вавилова, что не прошло незамеченным в Лондоне. Есть также сведения, что на Тегеранской конференции, которая проходила в 1943 г., с 28 ноября по 2 декабря, т.е. уже после гибели Вавилова в саратовских застенках, Черчилль, по поручению Лондонского Королевского общества, осведомлялся у Сталина в частной беседе о судьбе ученого, на что тот сказал, что знает не обо всех советских ученых, и, когда он получит соответствующую информацию, то сразу же сообщит британскому премьер-министру. Так что проблема Н.И.Вавилова, так или иначе, отнюдь не была исчерпана для власти с его гибелью. В той или иной степени она, по всей вероятности, отразилась на выборе Сталиным нового президента АН СССР после смерти Комарова в 1945 г. Сталину, очевидно, как-то надо было замаскировать свою зловещую роль в гибели его брата, всемирно известного ученого, продемонстрировать свою якобы беспристрастность и незлопамятность в этом гнусном деле. Он, по свидетельству К.И. Барулина, даже разыграл перед братом замученного его подручными ученого неведение и деланное возмущение, узнав по телефону в присутствии С.И.Вавилова о смерти Н.И.Вавилова в саратовской тюрьме: «Ах, черт побери, погубили такого человека!». Все это весьма похоже на правду. Типично сталинский стиль в политике: сначала учинить расправу, а затем от нее дистанцироваться. Это было и с коллективизацией -«головокружение от успехов», и с массовыми репрессиями 1937 г.- «ежовщина», это и судьба отдельных жертв сталинского режима, в том числе Н.И. Вавилова.

Официально Н.И.Вавилов был реабилитирован по запросу жены Е.И.Барулиной в августе 1955 г. еще до 20 съезда КПСС, где так же официально был разоблачен так называемый культ личности Сталина и жестокий произвол с ним связанный. Не было уже в живых и другого виновника его гибели - Берия. Зато вполне еще процветал третий, а может и самый первый, если не главный, его погубитель - академик Т.Д.Лысенко. Его звездная карьера окончательно закатилась лишь с отстранением от власти Н.С.Хрущева в 1964 году. Коварная, аморальная природа этого человека проявилась и во время реабилитации Вавилова, когда ему пришлось давать письменное объяснение по поводу судебных обвинений в адрес загубленного им ученого для Главной военной прокуратуры. Там буквально следующее: «Н.И.Вавилов был крупным ученым, организатором науки. Из его деятельности, на мой взгляд, наибольшей положительной оценки заслуживает то, что он собрал большие мировые коллекции образцов семян различных сельскохозяйственных растений. Поэтому я не согласен с обвинениями Н.И. Вавилова в том, что он якобы уничтожил коллекции, наоборот, он их создавал». И это после всех наветов на великого ученого, которыми Лысенко не брезговал, чтобы убрать его со своего пути. После того, как именно с его санкции по запросу следователя была создана пристрастная и недобросовестная экспертная комиссия из его

сторонников, давая угодные следствию и ему лично показания и заключение о вредительской работе Вавилова. Пожелание Вавилова включить в комиссию в качестве эксперта П.М. Жуковского была отклонена, вероятно, не без соответствующей подачи того же Лысенко. Все это было представлено теперь как споры научного, не антигосударственного характера, направленные «на выяснение истины в биологической науке». Этаким благостный образец терпимости и благородства. Ряд конкретных обвинений в адрес Вавилова во вредительских действиях Лысенко также отклоняет под тем предлогом, что, если они и были, то непосредственного отношения к обвиняемому не имели, а такие вопросы, как, например, создание и закрытие научных учреждений «всегда подвержены изменениям». Очень, кстати, меткое замечание, тем более, что сам Вавилов ничего не закрывал, а только открывал. Словом, «я - не я, и хата не моя». Весьма характерное поведение всеильного интригана, почувствовавшего, что обстановка вокруг него и почва под ним меняются не в его пользу.

После разоблачения культа личности Сталина и официальной реабилитации Вавилова, его имя вновь стало знаковым, а вклад в науку признан как великий. Еще были живы многие его соратники и ученики, которые оставили о нем подлинно живые и бесценные для истории воспоминания. Фигура, образ Вавилова стали почти культовыми. Даже при жизни ученого вряд ли он достигал в сознании многих такого величия, учитывая ту травлю, которой он подвергался со стороны Лысенко и его сторонников, а главное опалу со стороны власти в последние годы перед арестом. Большое видится на расстоянии, в том числе времени. И то, что Н.И. Вавилов действительно гений, исторически вполне подтверждено, как утверждал его учитель академик Прянишников. Правда от этого отношение к нему ныне живущих людей, как выясняется, не такое уж единодушно положительное, как и не было таковым при его жизни. Конечно, имеются в виду те, кто знает, кто такой Вавилов. Гения принято превозносить и даже боготворить, но не всем это по душе. Есть откровенные завистники, не терпящие ничего и никого, кто выше их по силе духа, ума, по нравственным понятиям. Есть и просто критически настроенные скептики, которые не очень склонны к идеализации, особенно, когда это касается человека, каким бы великим и замечательным он не был. У каждого смертного есть свои человеческие, как достоинства, так и недостатки и даже пороки. Были они, разумеется, и у Вавилова, первых, конечно, гораздо больше, иначе он не был бы тем, кто есть – великим ученым и гражданином России. Вавилов был действительно великим гражданином не только своей страны, но и мира, образно говоря «стоял на глобусе». Он не только видел, но и во многом прозрел будущее, тем самым далеко опередив свое время. Его идеи, плоды его трудов по-настоящему, до конца могут оценить даже не мы, его последователи, а наши потомки. И в этом смысле он действительно остается надеждой России, мира, всего человечества, которым служил верно, честно и жертвенно, отдав саму жизнь свою за науку, за лучшее грядущее в мире.